

Ганс Христиан Андерсен

В детской

Папаша с мамашей и все братья и сестры уехали в театр; дома остались Аня да ее крестный.

— Мы тоже устроим себе театр! — сказал он. — Сейчас же начнем представление.

— Да ведь у нас нет театра! — возразила Аня. — Нет и актеров! Моя старая кукла не годится, она стала такая гадкая, а новую нельзя взять — платьице изомнешь!

— Актеры найдутся, если только не брезговать тем, что есть под рукой! — сказал крестный. — Ну, построим сначала театр. Вот сюда одну книжку, сюда другую, сюда третью; все три поставим вкось. Теперь по другую сторону еще три — вот и кулисы готовы. А этот старый ящик будет задней стеной — мы повернем его сюда дном. Сцена, как всякий видит, представляет комнату. Теперь дело за актерами! Посмотрим-ка, не найдется ли чего подходящего в ящике с игрушками. Сначала надо отыскать действующих лиц, а потом уж сочинять пьесу: одно ведет за собою другое — и выходит чудесно! Вот трубка от чубука, а вот перчатка без пары; пусть это будет папаша и дочка! — Так это всего только два лица! — сказала Аня. — Вон лежит старый мундирчик брата. Нельзя ли и его взять в актеры?

— Отчего же нет? Ростом-то он для этого вышел. Он будет у нас женихом. В карманах у него пусто — вот уж и интересная завязка: тут пахнет несчастной любовью!.. А вот еще орешный щелкун — сапог со шпорою! Топ, топ! То-то лихой мазурист! Он топает и прищелкивает! Он будет у нас немым женихом. Ну, какую же пьесу ты хочешь? Драму или комедию из семейного быта?

— Комедию! — сказала Аня. — Все так любят комедии. А ты знаешь какую-нибудь?

— Целую сотню! — ответил крестный. — Самый большой успех имеют французские, но они неподходящи для девочек. Мы возьмем лучше какую-нибудь из своих: они все ведь на один лад. Ну, я встряхиваю мешок! «Ку-ка-ре-ку! Обновись!» Вот теперь все комедииновились! Слушай же афишу. — И крестный взял газету и стал читать как будто по афише:

 Трубка и умный малый. Комедия в одном действии.

Действующие лица:

Господин Трубка — отец.

Госпожа Перчатка — дочь.

Господин Мундирчик — милый.

Фон Сапог — немиый.

Теперь начнем! Занавес поднят — у нас его нет, ну, значит, он поднят. Все лица налицо. Я поведу речь за папашу. Он сегодня сердит, — видишь, потемнел весь от куренья:

«Вздор, вздор, ерунда! Я хозяин в доме! Я отец своей дочери! Извольте слушаться меня! Фон Сапог такая персона, что хоть глядись в него, как в зеркало! Он из сафьяна, да еще со шпорою! Тринь-бринь! Тринь-бринь! Он и женится на моей дочери!»

— Теперь следи за мундиром, Аня! — продолжал крестный. — Теперь он начнет. Он носит отложной воротничок, очень скромн, но сознает собственное достоинство и имеет право говорить так:

«На мне нет ни одного пятна! Добрые качества тоже надо принимать в расчет. А я ведь из самой добротной материи, да еще с галунами!» — «Ну, они только до свадьбы и продержатся! В стирке полиняют!» — Это говорит опять господин Трубка. — Фон Сапог, тот непромокаем, из крепкой и в то же время тонкой кожи, может скрипеть, щелкать шпорою и похож на Италию!»

— Но они должны говорить стихами! — заметила Аня. — Говорят, это выходит так красиво!

— Можно и так! — ответил крестный. — Захочет публика, актеры заговорят и стихами. Ну, гляди же на барышню Перчатку; гляди, как она ломает пальчики:

 Лучше век мне быть без пары,

Только бы избежать кары —
Жизнь с постылым проводить!
Мне того не пережить!

Ох, ох, ох,

Лопну, лопну, вот вам Бог!

«Вздор!» — Это уж отвечает папаша Трубка. А вот теперь говорит господин Мундир:

 Перчатка-душа,

Ты так хороша!

Ты мне суждена,

Моей быть должна!

Тут Фон Сапог шаркает, топает, щелкает шпорою и опрокидывает три кулисы разом.

— Чудо как хорошо! — воскликнула Аня.

— Тс! — сказал крестный. — Молчаливое одобрение говорит о высокой степени воспитанности зрителей первых рядов. Теперь барышня Перчатка поет свою большую арию с руладами:

 Я так убита,

Так сердита,

Что вам клянусь,

Я разреву-у-усь!..

Теперь самый интересный момент, Аня! Видишь, господин Мундир расстегивается и обращает свою речь прямо к тебе, чтобы ты похлопала ему! Но ты не хлопай! Так бонтоннее! Послушай, как он шуршит: «Чаша терпения моего переполнилась! Берегитесь! Я подведу интригу! Вы — Трубка, а я — малый с головой! Фьють! и — нет вас!» Гляди, Аня! Это самая интересная сцена во всей комедии! Мундир схватывает Трубку и засовывает к себе в карман — лежи тут! — а затем говорит: «Вы теперь у меня в кармане и не выйдете оттуда, пока не обещаете соединить меня узами брака с вашей дочерью, Перчаткой с левой руки! Я протяну ей свою правую».

— Ужасно хорошо! — опять воскликнула Аня.

— А старая Трубка отвечает:

 Что делать мне?

Горю, как в огне!

Ах, где ж мой чубук?

Ведь я — как без рук!

О, сжальтесь, простите,

Меня отпустите!

Я дочь вам отдам,

Венчаю вас сам!

— И конец? — спросила Аня.

— Что ты! — ответил крестный. — Конец только для Фон Сапога. Жених и невеста опускаются на колени; первая поет:

 Отец, оживаю!

Второй:

 Я вас отпускаю!

Господин Трубка благословляет их, а вся мебель поет хором:

То-то любящий отец!

Он повел их под венец!

Тут и пьесе всей конец!

Вот теперь похлопаем! — прибавил крестный. — И вызовем их всех, вместе с мебелью: она ведь из красного дерева!

— А что, наша комедия так же хороша, как та, что идет в настоящем театре? — спросила Аня.

— Она еще лучше! — ответил крестный. — Она короче, даром доставлена нам прямо на дом и помогла скоротать время до чаю!